

* * *

Гори, костёр!
Соседка молода.
И мне морозцем грудь не остудило.
Пусть стынет в лужах мелкая вода,
Пусть горьким пеплом станет лебеда, –
Гори, костёр!
Всё остальное было.
Не удивить ни нежностью, ни злом.
Игривый взгляд воспоминанья будит.
Гори, костёр!
Твоим скупым теплом
И осени малиновым крылом
Я обогрет...
Всё остальное будет!

Дом порушен, а берёза
Все еще цела пока.
И над нею, как стрекозы,
Кружат, кружат облака.

Ни родного голосочка,
Ни лампадки у икон...
Легким дымчатым платочком
Пустота со всех сторон.

От двора до новостроек,
Где в прогорклом сосняке
Дух дневного жара стоек,
Время парится в тоске.

И порхают неприметно
Над обрывом у реки
На прозрачных струях ветра
Прошлой жизни мотыльки.

Лишь береза за колодцем
Возле бабкиной избы
Вдоволь так и не напьётся
Из источника судьбы.

Кого-то Бог берёт,
Кому-то Бог давал...
Меня у трёх дорог
Раздумьем осенял.

Читал я письма
На древнем валуне
И понимал: одна
В них суть – мой Бог во мне.

И тем, что не берёт,
И тем, что не давал,
Меня хранил мой Бог,
От тщетного спасал.

Ездил к матери... Родина милая
Из лощин, с бугорков, со скамей
Одноклассницею шаловливую
Представала всей статью своей.

То касалась щеки камышинкою,
Щекотала травинкой в носу,
То петляла росистой тропинкою,
На простор увлекая осу.

То к речушке спускалась невестою,
На ветру колыхалась к дождю
И сквозь тучи лучами небесными
Влагу дня собирала в бадью.

То порхала беззвучною молнией,
Беспокойство на крыльях несла
И кроила портнихую модною
Даль степную и в клочья рвала...

Навещал я могилу отцовскую,
Деду с бабушкой венки поправлял.
Пел сверчок свою песню сиротскую.
В небе ворон круги нарезал.

И нечастое с домом свидание
Вечер медленно вёл за бугор...
Ездил к матери... Родина давняя
Оставляла на сердце укор.

Ранняя птица летит на восток.
Поздняя птица – на запад...
«Где твоя родина? Кликни, сынок!»
«Я позабыл её запах!»

Ранняя птица стремится на юг.
Поздняя птица – на север...
«Где твой надёжный и преданный друг?»
«В отчих просёлках затерян!»

Ранняя птица всем волю несёт.
Поздняя птица – неволю...
«Чем твоё сердце доныне живёт?»
«Верой. Надеждой. Любовью!»

О чём ты, скрипка, плачешь на бульваре?
Листовой опавшей плавится заря.
Твой музыкант, подобно сталевару,
Смычком вздувает пламя октября.

Приткнуться негде звуку на манеже:
Оркестр бульвара – домны жаркий гул,
Твоей струны отточенную нежность
Он языком пылающим слизнул.

Ты, скрипка, плачь, не оставляя муки,
Октябрьской сценой зрителей конфуз!
Всё переплавит осязанье звука,
Кипящей сталью влившегося в пульс.

БЕЛЫЙ БОК И ЧЁРНОЕ КРЫЛО

Я тебя изъял из подреберья,
Где когда-то золотились перья.
Им на смену ветром принесло
Белый бок и чёрное крыло.

Птица моя странная – сорока.
Что мне от тебя? Одна морока!
Выболтала рощам и лугам
Всё, что полагалось только нам.

Этот голос подхватило время,
В нём созрело брошенное семя.
Чуда нет, и семя проросло
В белый бок и в чёрное крыло.

И летят, от двух начал зачаты,
Бело-чёрной масти сорочата.
Где темно от них, а где светло.
Белый бок, что чёрное крыло.

Кто не любит, пусть живёт надеждой,
А кто любит, верит, как и прежде.
Источают вечное тепло
Белый бок и чёрное крыло.

Ближе к ночи прояснится небо,
В пристань льдинкой уткнётся вода.
Зря решил ты, что будто тут не был.
Отчего же взволнован тогда?

Словно льды, растопи эти мысли.
У обид не бывает мостов.
Как цепляется сердце за мгlistый
Берег ветками голых кустов!

Даже если прояснится небо
И дохнёт над водою мороз,
Ты не думай, что будто тут не был
И не гладил стволы у берёз.

Сплошь усыпала осень дорожки
Пёстрым бархатом поздней листвы...
Ну, ещё, ну, чуть-чуть, ну, немножко
Вдохновенней наклон головы!

Это позднее звёздное небо –
Не причина, не следствие, всё...
Убеждай себя, будто тут не был,
А дыханье от речки твоё!

Созревает шиповник – в разгаре сентябрь.
Первый лист золотится по дачным делянкам.
Я ещё не остыл от горячей поры, не озяб
От прохлады осенней с ночным полустанком.

Я ещё поклоняюсь мгновеньям любви,
Как шиповник, впиваюсь колючками страсти
В полустаночный сумрак, в объятья твои
И в плацкартное место с билетом на счастье.

И пускай мне кричит уходящий состав:
Полустанок – всего лишь минутное чудо,
Упаду я шиповником в заросли трав,
Чтоб уже никуда не уехать отсюда.

Молодо-зелено, зелено-молодо...
Требуют чувства морозного холода.
Лыжи под мышку, рюкзак за плечо...
Дружбе просторно, сердцам горячо!

Было, да сплыло, следов не оставило.
В памяти всё уложилось по правилам:
Лыжи, рюкзак и тебя на плечо...
И от любви – горячо, горячо!

С русым колечком под вязаной шапочкой
Сняты с дистанции юные шалости.
Жизнь зацепилась плечом за плечо...
И – горячо, горячо, горячо!

Ещё до Святков больше, чем неделя,
И с суетой справляешься едва,
А во дворе весёлые метели
Уже поют во славу Рождества.

И тенькают синицы за окошком
Беспечно и без грусти о весне,
С крыльца таская булочные крошки
То к яблоне и груше, то к сосне.

И лёгкое – до радости – волнение...
К метелям, птицам, в заметённый сад
Торопишься на звуки обновленья,
Не понимая, а чему же рад.

Назад обернусь – докучно,
Вперёд загляну – тревожно.
Высокая дремлет тучка,
Ей всё в этом небе можно.

Ей можно дождём пролиться,
А можно и в речку кануть...
В ней прошлое не толпится
Мгновеньями и веками.

В ней будущее туманно,
Как звёздная пыль над дачей...
И кажется очень странным,
Что всё у людей иначе.

У юности есть имя и судьба,
У памяти есть образ поклоненья.
От одного к другому поколенью
В сердцах не прекращается борьба.

Найдите мне иные времена,
Где счастье сплошь и отступили беды.
У юности всегдашний вкус победы,
А память ей для мужества дана.

Не сгорал над костром мотыльком на лету,
Перед силой хвостом не вилял, словно пёс,
Просто жил, даже если и не вмоготу,
С чем родился и что через годы пронёс.

Не селился пичугой у гнёзд воронья
И зерна не таскал из кормушек чужих...
Это здорово – жить, никого не виня,
И себя не винить заодно среди них.

Я свободно и прямо хожу по земле.
Весь открыт для ветров из любой стороны...
Не вздувается пламя в остывшей золе,
Затухают сердца, если души больны.

Солнце дарит мне свет, звёзды – ночи красу.
Освежаюсь в грозу, а в метели грущу.
Мотылька пожалею, и птаху спасу,
Незлобиво на волю и пса отпущу.

Для того и дано имя мне – человек.
Остальное – всё ложь с погруженьем в молву.
Дни идут и идут, продолжается век...
Я живу на земле, я любовью живу.

Давно не целовал твоей руки,
Как будто в этом не было резона.
Прогнозы лет, как в юности снежки,
Летят в окно по правилам сезона.

Пусть даже буду несколько смешон
На фоне дня, бульвара, снегопада,
Лицо по брови спрячу в капюшон,
Чтоб избежать взыскующего взгляда.

Шаги скользнут по линиям судьбы,
Споткнутся на запястье о морщины...
Прогнозы не спасают от мольбы,
А правила стареют, как мужчины.

Прости меня, что много-много лет
К твоей руке я не слетал, как птица.
Причин серьёзных оправдаться нет,
Есть повод за бывшее повиниться.

Как прах вчерашний, капюшон смахну,
И хлынет мир весёлый и цветастый
В мои зрачки. К твоей руке прильну
И тихо прошепчу: «Владей и царствуй!»

Она бушевала манерно, как дамочка,
Вгоняла пространство в озябшую плоть,
Смеялась и тут же рыдала, когда уже
Эмоций в себе не могла побороть.

Бросалась волчицей с холма по валежнику,
Почуяв добычу у поймы реки,
Затем возвращалась на прежнее лежбище
И в мёрзлую землю вонзала клыки.

Минуя бульвар с переулком по конусу,
Клубилась, как дым, и стелилась, как пух,
И пела волшебным, пронзительным голосом,
Лаская отчаянным путникам слух.

Она рисовала ромашки и лилии,
Лепила фигурки, чертила круги...
И не было в мире мгновений счастливее,
Чем женская шалость февральской пурги.

Для Пушкина – Чёрная речка,
Для Лермонтова – Машук...
Сквозь дуло смерть без осечки
Проложит к сердцам маршрут.

Потомкам – любовь и речи,
Вершинам – снегов мундштук...
От пули на Чёрной речке
Качнётся седой Машук.

Не все из поэтов вечны,
Но ради того живём...
От эха на Чёрной речке
Заплачет Машук дождём.

Дуэлей скорбь скоротечна...
До крови скреби, рука
Певца, и лёд Чёрной речки
И камушки Машука!

От давних трагедий не легче,
Рвут души и посейчас...
Машук и Чёрная речка
От зла берегают нас.